

Виталий ПЕНСКОЙ,
доктор исторических наук

ГЛАВНАЯ ВОЙНА ИВАНА ГРОЗНОГО

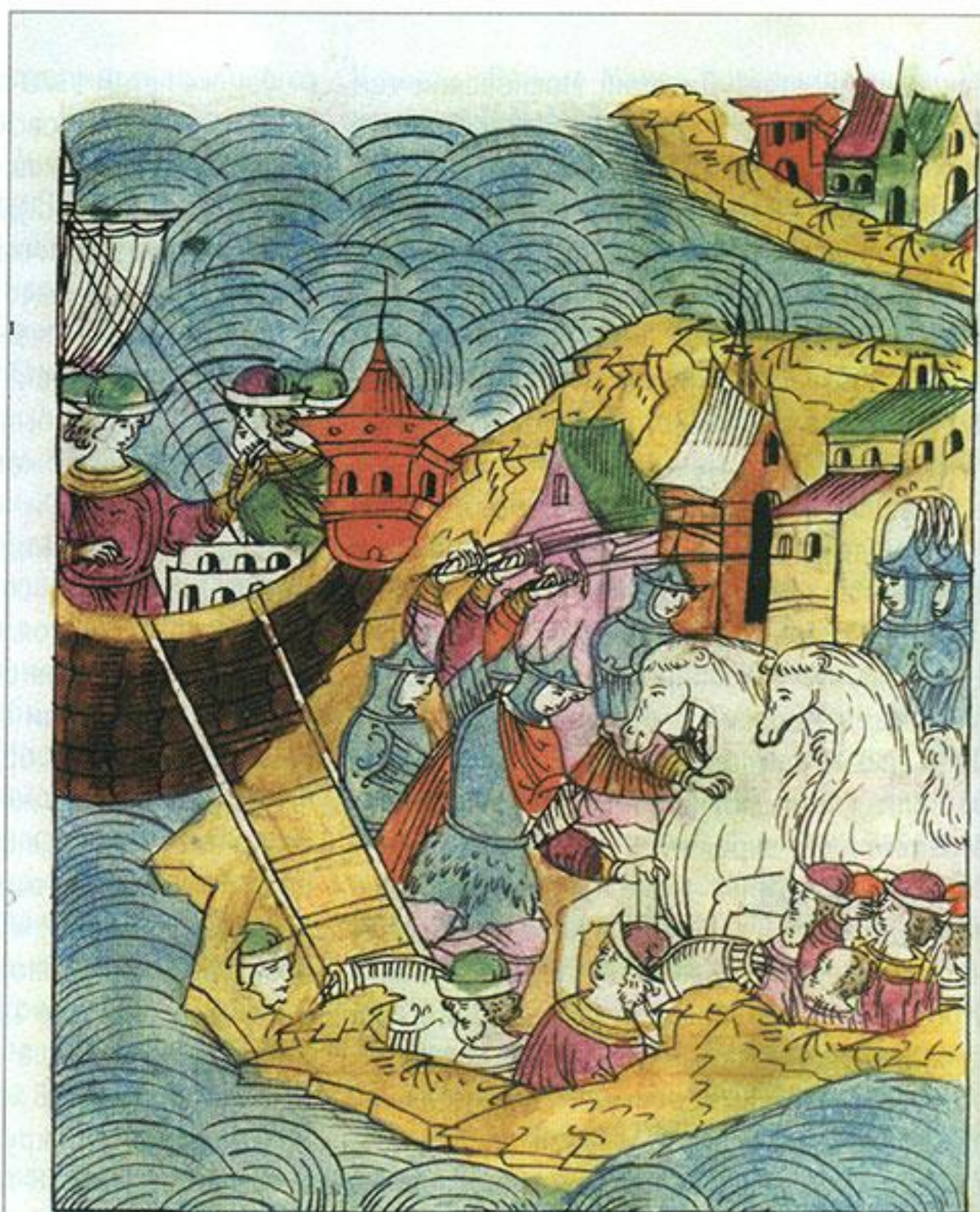
Конфликт с Девлет-Гиреем длиною
в четверть века

Главная война Ивана Грозного... Обычно, когда заходит речь о войнах, которые вёл первый русский царь, то первой на память приходит, конечно же, Ливонская. Казалось бы, это вполне справедливо и закономерно. Ливонская война (или, что представляется более верным, серия войн за Ливонское наследство) оставила глубокий след и в истории Восточной и Северной Европы, и в исторической науке. Однако, если призадуматься, если вылезти из наезженной историографической колеи, она ли была главной?

Вернёмся в конец 1540-х годов, в период начала самостоятельного правления Ивана IV (ещё не успевшего заслужить прозвище Грозного). Два главных внешнеполитических вопроса стояли тогда перед юным царём и его правительством, две проблемы, решение которых много лет откладывалось в долгий ящик, но решать которые всё равно было необходимо. Эти два вопроса были «литовский» и «татарский». Тугой узелок в отношениях между Москвой, с одной стороны, и Литвой и возникшими на руинах Золотой Орды татарскими «юртами», с другой, завязался ещё в правление деда Грозного, Ивана III. И оба этих вопроса были завязаны на проблему, жизненно важную для всей Восточной Европы — кто будет доминировать в этом регионе. Московское ли государство, Великое ли княжество Литовское (ВКЛ) или же Крым — стремящийся подчинить себе остальные татарские «юрты» и восстановить под своей эгидой Золотую Орду?

До поры до времени, пока существовал русско-крымский союз, остриём своим направленный против ВКЛ и Большой Орды, перевес в этой борьбе был на стороне Москвы. Иван III, имея в лице своего союзника, крымского «царя» Менгли-Гирея I, надёжный тыл, уверенно теснил на западе Литву, а на востоке подчинил своей воле Казанское ханство. Но в 1502 году Большой Орды, в которой правили Ахматовичи (дети того самого, проигравшего в 1480-м Ивану III «стояние на Угре», хана Ахмата) не стало. Русско-крымский союз, созданный по принципу «Против кого дружить будем?», утратил свою первооснову. И после того, как в 1505 году умер Иван III — по праву носивший прозвище «Грозного», — сперва в Казани, а потом и в Крыму решили, что теперь их главным противником является Москва. Слишком активной и успешной была её внешняя политика, слишком сильной и влиятельной она стала — нарушив тем самым хрупкий баланс сил и интересов, сложившийся в Восточной Европе на рубеже XV–XVI веков...

Первый шаг в этом направлении сделал казанский хан Мухамед-Эмин. В 1506-м он пошёл на открытую конфронтацию с новым московским государем, Василием III¹, и обратился с предложением о союзе к великому князю литовскому Александру Казимировичу и крымскому хану Менгли-Гирею I. И в Вильно, и в Крыму с воодушевлением встретили инициативу казанца. И хотя полноценной тройственной коалиции (к которой наследовавший в том же году Александру Сигизмунд I попытался было привлечь ещё и Ливонский орден) так и не сложилось, резкий поворот во внешнеполитическом курсе Крымского ханства обозначился более чем ясно. В 1507 году Менгли-Гирей, следуя старому доброму ордынскому обычаю, выдал Сигизмунду I ярлык на княжение. Среди прочих городов, пожалованных крымским «царём» великому князю литовскому, были Тула,

Пришли крымские улусы на горах степей и поутрумно
гие переложки
яста да
пойма
ли и
пов
ли

Поход Даниила Адашева на крымские улусы. 1559 г.

Брянск, Стародуб, Путивль, Рязань и даже Псков с Новгородом, с «люди, тмы, города, и сёла, и дани, и выходы, и з землями, и з водами, и с потоками!»²

Можно, конечно, вслед за С. М. Соловьёвым, полагать смешными эти притязания на бывшее могущество³, но за этим шагом последовал другой, имевший далеко идущие последствия. Менгли-Гирей заключил с Сигизмундом ещё и союз — с тем условием, чтобы «приятелю приятелем, а неприятелю неприятельство чинити заодно»⁴. И очень скоро хан показал, что его слова с делом не расходятся. Уже летом того же 1507 года «прииде весть к великому князю Василию Ивановичю всеа Руси, что идут многие люди татарове на Поле, а чают их приход на украину, на Белёву, и на Белёвские места, и на Одоевские, и на Козелские»⁵. Большого вторжения татар в русские пределы не произошло (главные силы их войска, направившиеся было на Русь, были вынуждены повернуть против ногаев⁶), но небольшой отряд Зяньсеит-мурзы всё же попытался это сделать.

Отныне Москве предстояла долгая борьба с Крымом, борьба «не на живот, а на смерть». С этого момента в русской столице должны были учитывать недружелюбную позицию Крыма, который был далеко не в восторге от дальнейшего усиления России и ослабления что Великого княжества Литовского, что Казанского ханства, что

Больших ногаев. Теперь, писал Сигизмунд Герберштейн, даже если московский государь и не ведёт ни с кем войны, он «ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар»⁷.

Игнорировать крымскую угрозу было невозможно. Какой бы беспокойной ни была, к примеру, «литовская Украина», взаимные наезды пограничных «лордов» и мелкие разбои на ней — это мелочь по сравнению с тем, что происходило на «украинах» казанской, ногайской и особенно крымской. Для нескольких поколений русских служилых людей «береговая» служба стала столь же неизбежной, как восход или заход Солнца. Каждый год ранней весной сотни и тысячи детей боярских с их послужильцами заступали на государеву службу «на берегу», вдоль Оки (а с конца века за Окой), для противодействия возможным набегам татар, — и оставались там до поздней осени.

Одна рука у Москвы оказалась связана, и дальнейшее развитие экспансии в западном направлении стало, по существу, невозможным без урегулирования отношений с Крымом. С большим трудом, на волне прежних успехов, Василию III после трёхкратной осады удалось в 1514 году взять Смоленск, но мечты о золотом киевском столе пришлось отложить в долгий ящик. Успешно воевать с Литвой, имея на ноге «крымскую» гирию (точнее, даже две — в Казани победила группировка, ориентированная на Крым и ратовавшая за войну с Москвой), было чрезвычайно затруднительно.

Урегулировать же отношения с Крымом, добиться от преемников Менгли-Гирея если не восстановления союза, то хотя бы благожелательного нейтралитета, оказалось фактически невозможно. С одной стороны, у Москвы долгое время не было возможности надавить на крымских ханов чем-то большим, чем слова. Дикое Поле, эта поистине безбрежная степь оказалась для Крыма крепостью понадежнее, чем самые мощные валы и стены. Если Казани и Астрахани Москва могла относительно легко достичь по рекам, перебросив под их стены водой артиллерию, пехоту и все необходимые припасы (как писал американский историк Уильям Мак-Нил, «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжёлые пушки»⁸), то с Крымом такой вариант не проходил. В борьбе с крымскими татарами русские не могли реализовать с таким же успехом, как в случаях с двумя другими татарскими «юртами», Казанью и Астраханью, своё технологическое и техническое превосходство «пороховой империи»⁹.

С другой стороны, крымская элита (по крайней мере, достаточно сильная и влиятельная часть её) не была заинтересована в сохранении долговременных мирных отношений с Россией: в отличие от Казани или Ногайской Орды, у Крыма не было прочных экономических связей с Москвой. Можно было, конечно, взять на содержание часть татарских «солтанов и вланов, князей и полковых князей, и их братью, и их дети мурз», но содержание такой «московской партии» при ханском дворе стоило очень дорого. К тому же в скуповатой Москве очень щепетильно относились и к вопросам престижа — и не желали давать регулярной выплатой богатых «поминков» повод крымским «царям» считать русских государей своими данниками.

Наконец, в Москве не находили понимания великодержавные претензии крымских ханов. Как, к примеру, должны были реагировать русские на послание хана Сахиб-Гирея I, который, будучи недоволен промедлением «московского» в сношениях с ним, «Великие орды великим царём, силы находцем и победителем», писал в мае 1538 года юному Ивану IV, что вот-вот выступит в поход на Москву? Если великий князь хочет спасти себя и свою страну от разорения, продолжал крымский «царь», то пускай немедленно и «наборзе»

пошлёт «своего большего посла с своею казною» к Путивлю («а перед ним бы еси часа того послал к нам сказати, чтоб в малых днех у нас были»). «И будеш по моему слову, — продолжал хан, — ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посмотри, мир учиним». Ну, а если Иван будет по-прежнему упорствовать, то тогда, грозил Сахиб-Гирей, «ты посмотри, что мы тебе учиним... более ста тысяч рати у меня есть, и возму, шед из твоей земли, по одной голове, сколько твоей земле убытка будет, и сколько моей казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свои которой более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько войною такую возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твоё государство возму, ино все мои люди сыти будут»¹⁰.

Забывать об этих словах было никак нельзя — в Москве прекрасно помнили, чем закончилась попытка переиграть сына Менгли-Гирея Мухаммед-Гирея I. Этот хан, недовольный двуличной политикой Василия III (как метко заметил И. В. Зайцев, «и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации»¹¹), летом 1521 года внезапно объявился на Оке под Коломной. В скоротечном сражении он разгромил русские полки и опустошил окрестности русской столицы. Отдельные татарские

Битва на Судьбищах — первая победа России над войском Крымского ханства в полевом сражении. 1555 г. Миниатюра Лицевого летописного свода.

разъезды подошли к самой Москве и «в Воробьёве (село Воробьёво находилось всего лишь в семи километрах от Кремля, на Воробьёвых горах, рядом с нынешним МГУ. — В. Л.), в великого князя селе, были и мёд на погребех великого князя пили»¹². Растерявшийся и упавший духом Василий III бежал из Москвы, а оставленный «на хозяйстве» в столице его зять, крещёный татарский царевич Пётр, был вынужден дать Мухаммед-Гирею грамоту, согласно которой, московский государь обязывался стать данником крымского «царя». И пусть грамота эта была вскоре утеряна, в Крыму никогда не забывали об этом успехе. Преемники Мухаммед-Гирея I не раз пытались повторить его. К счастью для Москвы, после убийства этого хана ногаями в Крыму началась кровопролитная «замятня», и крымцам надолго стало не до организации крупномасштабных походов на Россию. Лишь спустя двадцать лет, холодным летом 1541-го, воинственный Сахиб-Гирей I решил вступить за Казань (против которой в Москве замыслили предпринять «за многие неправды» военную экспедицию) и с 40-тысячным войском явился к бродам на Оке под городком Ростиславлем. Однако успех тогда ему не сопутствовал — в жестоком сражении «царь» был отбит и, «не успев ничтоже», откатился в Крым¹³.

Кстати, Сахиб-Гирей мог бы стать для Москвы серьёзной головной болью: помимо воинственности и угроз, ему удалось навести порядок в Крыму, восстановить там «вертикаль власти». Однако московское направление крымской политики для него не было первостепенным, и он упустил из виду пробуждение московского медведя. Похоже, что в начале 1540-х годов в Москве возобладала «партия войны» во главе с князьями Шуйскими и митрополитом Макарием, которая стояла за силовое разрешение давнего конфликта с Казанью, за организацию крестового похода против «басурман». С 1545 года Москва начала наступление против казанского «юрта», которое завершилось взятием в октябре 1552-го, после кровопролитного штурма, столицы ханства.

Активизация русской внешней политики вызвала серьёзное беспокойство в самом Стамбуле. Сахиб-Гирей I — переставший обращать должное внимание на поволжские дела и вообще проявлявший излишнюю, по мнению османов, самостоятельность — был убит и заменён Девлет-Гиреем I. В послании последнему в феврале 1552 года султан Сулейман I Великолепный фактически давал новому хану карт-бланш на любые действия для защиты интересов ислама (читай: османских) в Восточной Европе¹⁴. Усиление позиций Москвы было не в интересах Стамбула, тем более что там были осведомлены о планах привлечения России в состав антиосманской коалиции. И, не желая ввязываться в восточноевропейские проблемы (у падишаха хватало головной боли и на Балканах и в бассейне Средиземного моря) и преждевременно портить отношения с Москвой, Сулейман Великолепный решил сковать Россию по рукам и ногам посредством Крыма.

Намерения султана совпали с позицией «партии» войны при крымском дворе, ядро которой составили давние литовские «доброхоты» (активно субсидируемые из Вильно) и беглецы из Казани и Астрахани. Эта партия оказывала давление на Девлет-Гирея — человека осторожного и не склонного к опрометчивым шагам, стремившегося не доводить дело до полного разрыва с Москвой и по возможности разрешать противоречия путём переговоров. Но, памятуя о печальной судьбе своего предшественника и недовольный неуступчивостью своего московского партнёра (который на волне послеказанской эйфории замыслил ни много ни мало, а посадить на крымском столе «своего» хана), он не слишком упорствовал в своём миролюбии (тем более, что военное поражение могло сделать Ивана более отзывчивым на предложения из Бахчисарая).

В итоге с 1552 года Девлет-Гирей вступил в период долгой конфронтации с Иваном Васильевичем. «Война двух царей» продолжалась фактически четверть века, до самой смерти Девлет-Гирея в 1577-м, и потребовала от обеих сторон колоссальных усилий и

жертв. На первых порах инициативой владел Иван. Во второй половине 1550-х он предпринял наступление на Крым¹⁵, наивысшей точкой которого стал 1559 год. Тогда Иван IV не только послал в низовья Дона и Днепра «судовые» рати под началом воевод Д. Адашева и И. Вешнякова, но и собрал с началом весны на берегах Оки огромную рать¹⁶, мало чем уступавшую той, которая ходила за семь лет до того на Казань, а спустя три года пойдёт брать Полоцк.

Однако это наступление в конечном итоге завершилось ничем. В Вильно отказались поддержать Москву в её действиях против «басурман» и, более того, заняли откровенно враждебную позицию. Ногайская Орда, раздираемая внутренней смутой, не смогла стать надёжным союзником царя. А тут ещё война в Ливонии... Одним словом, когда стало окончательно ясно, что перемирие с ВКЛ продлено не будет, что вот-вот начнётся новая русско-литовская война, в Москве приняли решение свернуть активные действия на крымском направлении. Стоит согласиться с мнением Б. Н. Флори о том, что отправка 16 декабря 1561 года в Крым московского гонца, служилого татарина Девлет-Хози Рязанова «с товарищи», с грамотой, в которой Иван «писал ко царю о дружбе», подвела итог долгому русскому наступлению на Крым¹⁷.

Однако отказ Грозного от активных боевых действий в этой необъявленной войне вовсе не означал её конец. Следующий ход был за Девлет-Гиреем. Воспользовавшись предоставленной ему передышкой и умело играя на противоречиях между Вильно и Москвой, хан сумел восстановить свои потрёпанные русским наступлением силы и во второй половине 1560-х сам перешёл к активным действиям, постепенно наращивая силу ударов.

Своего апогея «война двух царей» достигла в начале 1570-х годов, вскоре после неудачной совместной турецко-татарской экспедиции на Астрахань. Хану нужно было не только реабилитироваться перед лицом Стамбула, подозревавшего (и не без оснований) крымского «царя» в том, что тот ведёт свою собственную игру. Грозный по-прежнему демонстрировал неуступчивость в казанском и астраханском вопросах, продолжая придерживаться тезиса, высказанного ещё в самом начале конфликта — о том, что московский государь «дружбы у царя (крымского хана — В. Л.) не выкупает, а похочет с ним царь мириться по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаям»¹⁸. Более того, Москва не оставляла намерений расширить свою сферу влияния на Северном Кавказе. И хотя сам Девлет-Гирей не испытывал особого желания идти на дальнейшее обострение отношений с Москвой, он тем не менее был вынужден это сделать. Запутавшись в клубке интриг и противоречий, Девлет-Гирей решил разрубить его одним ударом меча и в мае 1571 года лично возглавил примерно 30-тысячную рать, отправившуюся в набег на московскую «украину».

В Москве не исключали такой возможности и, наряду с попыткой добиться отмены назревающего набега дипломатическими средствами (для чего в Стамбул было отправлено русское посольство), заблаговременно развернули на южной границе 35–40-тысячную рать. Казалось, всё было предусмотрено и подготовлено для встречи «басурман». Имея на руках такие козыри, как многочисленная и хорошо обученная пехота и сильная артиллерия, царские воеводы могли достаточно уверенно рассчитывать на победу в «прямом деле» с неприятелем. Однако, как отмечал спустя полсотни с лишним лет француз Г. Л. де Боплан, в степной войне «побеждает более хитрый, а не более сильный». Девлет-Гирей сумел перехитрить московских воевод. Он не пошёл прямо на Москву, на изготовившиеся встретить его полки Ивана IV, а обошёл их с запада и устремился к Москве, рассчитывая перехватить отступающие от Серпухова к столице русские полки и разбить их на марше.

Командовавший русской ратью князь Иван Дмитриевич Бельский вовремя отдал приказ об отступлении. Его войско сумело ускользнуть от татар, опередив их на пути к Москве буквально на несколько часов. Еще не всё было потеряно — силы были примерно равны,

а укрепления московского Великого посада и Кремля были неприступны для лёгкой татарской конницы. Ничто не предвещало трагедии, но, увы, сражение, разыгравшееся под стенами столицы утром 24 мая 1571 года, закончилось поражением русских. Начавшийся же вскоре на окраине столицы пожар превратил его в катастрофу, которой Москва не знала, пожалуй, с 1382-го. Город был уничтожен практически полностью, за исключением Кремля, который, однако, претерпел сильные повреждения от взрывов пороховых складов. Тысячи людей сгорели в огне или задохнулись от дыма.

Поражённый зрелищем огненной бури, хан отвёл свои войска от пылающей Москвы и встал в Коломенском, наблюдая оттуда за грандиозной трагедией, охватившей русскую столицу. Похоже, он не был готов к столь радикальному повороту событий. Он шёл просто пограбить русскую «украину», а тут, буквально с неба, свалилась такая удача! И, подобно Ганнибалу после Канн, Девлет-Гирей не стал развивать свой успех, добивать врага и вынуждать его на пепелище собственной столицы подписывать капитуляции. Он или испугался своей победы, или решил не загонять Ивана в угол, отрезая ему всякие пути к отступлению. Решив удовольствоваться синицей в руках, хан приказал отступить к югу, распустив по дороге домой «войну».

Полагая, что эффект от его появления под стенами Москвы был более чем достаточным, Девлет-Гирей отправил к Ивану своих послов с требованием той самой «магнет-киреевой дани» и передачи Казани с Астраханью (ради которых он даже был готов отказаться от обязательных «поминков»). Однако Грозный, оправившись к тому времени от первоначального шока, разыграл перед татарскими послами спектакль: «нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью и бояря. И послом отказал: «Видишь де меня, в чём я? Так де меня царь зделал! Всё де мое царство выпленил и казну пожёг, дати де мне нечево царю!»¹⁹ Вместе с тем, пытаясь выиграть время, он выразил готовность уступить хану одну лишь Астрахань, и то при условии заключения военного союза или, в крайнем случае, совместного возведения ханов на астраханский трон.

Девлет-Гирей такое предложение не удовлетворило, и он начал готовиться к новому походу. В Москве тоже не строили иллюзий относительно намерений крымского «царя» и всю осень, зиму и весну деятельно готовились к отражению вторжения татар. И к лету 1572-го Иван Васильевич был готов во всеоружии встретить хана. Пограничные крепости были приведены в порядок, созданы запасы провианта и снаряжения, тщательно проработан план действий на случай вторжения татар, восстановленные после поражения полки развернуты вдоль левого берега Оки, который в местах, наиболее удобных для переправы, был укреплен; в степи развернуты дозоры, чтобы своевременно обнаружить выдвижение татар и оповестить об этом воевод на Оке. Осталось только дожидаться выступления хана.

Девлет-Гирей не стал медлить. На этот раз он не стал хитрить, а в «силе тяжце», насчитывавшей 40–50 тысяч человек, с пехотой и артиллерией, двинулся по Муравскому шляху прямо на Москву. В субботу 26 июля 1572 года авангарды крымской армии вышли к Оке в районе Серпухова и с ходу упёрлись в русские укрепления по левому берегу реки. Два дня русские сдерживали попытки татар-

ского войска переправиться через реку, а 28 июля, когда неприятелю всё же удалось в двух местах форсировать Оку, командовавший русским войском воевода князь М. И. Воротынский отдал приказ отступить к северу, на заранее намеченные позиции у села Молоди. Здесь русские разбили лагерь, развернули знаменитый «гуляй-город» и «сели в осаду». Хан не мог идти на Москву, имея у себя в тылу неразгромленное царское войско, и был вынужден принять битву. В течение нескольких дней русские бились с татарами, которые безуспешно пытались повторить успех прошлого года. Но на этот раз удача сопутствовала воеводам Грозного. Татары несли большие потери, среди них начался ропот, а тут ещё в схватке 30 июля был пленён Дивей-мурза, главный военный советник крымского «царя»... Когда прошёл слух, что к Москве приближается с севера новгородская рать во главе с князем И. Ф. Мстиславским, хан решился на отчаянный шаг — 2 августа он бросил свои полки на последний и решительный штурм русского лагеря. Завязалась «сеча великая», и, улучив момент, когда неприятельские атаки стали терять прежний задор, Воротынский нанёс контрудар. В лоб татарам из «гуляй-города» ударили ратники молодого князя-опричника Д. И. Хворостинина, а сам «большой воевода» с отборной конницей атаковал неприятеля с фланга.

Штурм был отбит с тяжёлыми для татар потерями, и на состоявшемся ночью в татарском лагере военном совете было принято решение о спешном отступлении. Наутро русские сторожи обнаружили, что враг бежал по направлению к Оке. Немедленно вдогонку были высланы «резвые люди», опрокинувшие неприятельский арьергард и на его плечах домчавшиеся до Оки — где был наголову разгромлен ещё один татарский заслон. Но сам хан сумел ускользнуть от преследователей и уйти в Крым с остатками своего войска.

События лета 1572-го стали переломными в русско-крымском противостоянии. Ханство ещё долго будет представлять серьёзную опасность, с которой Москве надо будет считаться, но апогей могущества и величия Крымского ханства остался уже позади. В войне за ордынское наследство Россия сумела одержать верх. Правда, победа эта досталась дорогой ценой. И когда потребовалось ещё раз собрать силы, чтобы попытаться развязать литовский узелок, их у Грозного не оказалось. Если в Полоцкий поход (1562–1563) Иван IV выступил во главе войска численностью около 50–55 тысяч человек, то спустя полтора с небольшим десятилетия, в 1579-м, он смог собрать вполтину меньше. И боевой дух этих ратных людей был уже не тем, что в начале 1560-х.

Одолов Крым, Москва была вынуждена примириться с поражением в очередном раунде растянувшегося, как оказалось впоследствии, на 200 лет русско-литовского противостояния. В конце концов и на литовском фронте была одержана решительная победа, но она была бы невозможна, проиграв Иван Васильевич борьбу за ордынское наследство. Это-то и позволяет нам утверждать, что не литовские войны, не война в Ливонии были главной войной Грозного. Ею была борьба с Крымом. Здесь, на крымском направлении, на «берегу», решалась и решилась летом 1572 года судьба Восточной Европы...

г. Белгород

Примечания

1. Подробнее см.: Филюшкин А. Две твердыни. Нижний Новгород против Казани в XV–XVI веках//Родина. 2014. № 2. С. 16–17.
2. Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду//Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. СПб. 1848. С. 4–5.
3. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён//Соловьёв С. М. Соч. Кн. III. М. 1989. С. 222.
4. Lietuvos Metrika. Kn. 7 (1506–1539). Vilnius. 2011. P. 91–92
5. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью//ПСРЛ. Т. 13. М. 2000. С. 5.
6. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год)//Сборник РИО. Т. 35. СПб. 1882. С. 521.

7. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М. 2008. С. 241.
8. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI—XX веках. М. 2008. С. 120.
9. Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. New York. 1987. P. 15.
10. Флоря Б. Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея//Славяне и их соседи. Вып. 10. М. 2001. С. 238–239.
11. Зайцев И. А. Астраханское ханство. М. 2004. С. 82.
12. Вологодско-Пермская летопись//ПСРЛ. Т. 26. М.; Л. 1959. С. 311.
13. Подробнее об экспедиции Сахиб-Гирея см.: Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...» Стояние на Оке в 1541 году//Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

14. См.: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань. 2008. С. 103, 104.
15. Подробнее о нем см.: Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М. 2012. С. 25–122; Он же. Матвей Иванов сын Ржевский//Вопросы истории. 2012. № 11. С. 28–44.
16. Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 90.
17. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 332, 339; Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.// Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М. 1979. С. 83.
18. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 241.
19. Пискаревский летописец//ПСРЛ. Т. 34. М. 1978. С. 191–192.